

Шоу Бернард

**Полное собрание
сочинений**

Том 9

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Б51

Б51 **Бернард Ш.**
Полное собрание сочинений: Том 9 / Шоу Бернард – М.: Книга по Требованию,
2022. – 252 с.

ISBN 978-5-521-31501-7

ISBN 978-5-521-31501-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Врачъ на распутьи.

Перев. Е. Барсовой.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Серъ Колензо Роджонъ.
Серъ Патрикъ Кулленъ.
Серъ Ральфъ Блумфильдъ Беннингтонъ.
Докторъ Кутлеръ Вальполь.
Докторъ Бленкенсонъ.
Докторъ Леони Шуцмахеръ.
Луи Дюбедъ — художникъ.
Женниферъ — его жена.
Редпенни — ассистентъ Роджона.
Эмми — экономка Роджона.
Минни Тинвель — горничная въ отелѣ.
Репортеръ.
Секретарь.
Лакей.

Первое дѣйствіе: въ пріемной Роджона въ Лондонѣ.
Второе: въ гостиницѣ „Звѣзда и Подвязка“ въ Ричмондѣ.
Третье: въ мастерской Луи Дюбеда.
Четвертое: тамъ же.
Пятое: въ картинной галлерей на Бондъ-стритъ въ Лондонѣ.
Дѣйствіе происходитъ въ наше время.

АКТЪ I.

Раннее утро 15-го Іюня 1903 года. Въ пріемной врача, сидя за письменнымъ столомъ, занимается студентъ-медикъ Редпенни—это его фамилія — имя же никому неизвѣстно, и никому нѣтъ до этого никакого дѣла. Онъ правая рука доктора: ведетъ его переписку, играетъ роль ассистента въ домашней лабораторіи и является лицомъ во всѣхъ отношеніяхъ незамѣнимымъ. Все это онъ дѣлаетъ съ цѣлью отблагодарить патрона за тѣ неуловимыя преимущества, которыя доставляютъ студенту близость съ представителемъ его науки и положеніе скорѣе сотрудника, чѣмъ ученика. Редпенни не пренебрегаетъ ничѣмъ и дѣлаетъ все, что отъ него требуется, забывая о чувствѣ собственнаго достоинства, лишь бы требованія эти предъявлялись въ дружескомъ тонѣ. Онъ здравомыслящій, расторопный, довѣрчивый добродушный юноша, рано начавшій жить самостоятельно. Прическа и одежда мало говорятъ о текущемъ перевоплощеніи неряшливаго юнца въ элегантнаго доктора.

Занятія Редпенни прерываются появленіемъ старой экономки, совершенно незнакомой ни съ кокетствомъ, ни съ предразсудками и отвѣтственностью, налагаемыми на женщину красотой, ни съ вспышками ревности и прочими спутниками этого природнаго дара. Цвѣтъ лица цыганки, которой кожа недоступна никакимъ косметикамъ, и, хотя на лицѣ этомъ нѣтъ настоящей бороды и усовъ, способствующихъ представительности и красотѣ мужского, зато все оно усыяно родинками, поросшими волосами. Въ рукахъ ея метелочка, путешествующая

по всѣмъ окружающимъ предметамъ, и едва покончивъ съ однимъ, старуха немедленно устремляется къ другому. Разговаривая, она какъ бы не замѣчаетъ своего собесѣдника, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда сердится. Манера обращенія со всѣми одна и та же: манера старой прижившейся няньки со своимъ воспитанникомъ, едва начинающимъ ходить. Безобразіе обезпечивало ей людскую спсходительность, невѣдомую ни Клеопатрѣ, ни Розамундѣ, а также и преимущество относительно этихъ послѣднихъ, состоявшее въ томъ, что качества ея лишь росли, а не уничтожались съ теченіемъ времени. Эта трудолюбивая старуха, всѣмъ читавшая нотаци, являлась живымъ доказательствомъ суетности женскаго тщеславія. Подобно имени Редпенни, никому не было дѣла до ея фамиліи, и во всемъ докторскомъ районѣ отъ Кавендишъ-скверъ до Морилебонъ-родъ—она была извѣстна подъ именемъ *Эмми*.

Въ кабинетѣ два окна, выходящія на улицу Королевы-Анны. Между окнами консоль съ мраморной группой на бронзовой подставкѣ, заканчивающейся когтями сѣпика. Громадное простѣнное зеркало почти не исполняетъ своего назначенія, благодаря приклепнымъ къ его поверхности тщательно выписаннымъ изображеніямъ пальмъ, папоротниковъ, лилій, тюльпановъ, подсолнечниковъ. По этой же стѣнѣ каминъ, передъ каминомъ два мягкихъ кресла. Стоящему передъ этимъ уголкомъ не видны другія стѣны комнаты. Вправо отъ камина или, вѣрнѣе, вправо отъ человѣка, стоящаго передъ каминомъ—дверь. Налѣво отъ двери столъ, за которымъ занимается Редпенни. На столѣ царитъ безпорядокъ—тутъ имѣется микроскопъ, множество колбочекъ, спиртовая лампочка и груда бумагъ, разбросанныхъ какъ попало. Посрединѣ комнаты параллельно камину стоитъ кушетка, образуя прямой уголъ съ консолью. Между кушеткой и окномъ стулъ, въ углу—другой. Еще одинъ у окна. На окнахъ зеленныя венеціанскія сторы и репсовыя занавѣси. На потолокѣ люстра, приспособленная къ электричеству. Обои и ковры—зеленые, въ тонѣ съ люстрой и венеціанскими сторами. Домъ обставленъ еще въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія, но все устроено съ такой предусмотрительностью, что сохраняетъ приличный видъ и по настоящее время.

Эмми, входя, немедленно устремляется къ кушеткѣ и обмахиваетъ съ нея пыль. Тамъ сидитъ какая-то барыня; пристаётъ ко мнѣ, чтобы я доложила о ней доктору.

Редпенни раздражительно. Да, но это совершенно напрасно. Сколько разъ я вамъ говорилъ, Эмми, что докторъ не принимаетъ новыхъ пациентовъ, и вотъ стоитъ кому-нибудь позволить, какъ вы сейчасъ же являетесь и спрашиваете, не можетъ ли докторъ принять.

Эмми. А кто же васъ объ этомъ спрашиваетъ?

Редпенни. Да вы же.

Эмми. Нѣтъ, я только говорю, что какая-то барыня пристаётъ ко мнѣ и проситъ доложить о ней доктору. Я и не думала васъ ни о чемъ спрашивать, я только сказала.

Редпенни. Если барыня пристаётъ къ вамъ, то это еще не причина, чтобы вы приставали ко мнѣ.

Эмми. Газеты-то прочли?

Редпенни. Нѣтъ.

Эмми. А про награды ко дню рожденія его Величества знаете?

Редпенни внѣ себя. Что еще тамъ, чортъ возьми.

Эмми. Потихе, потихе, батюшка!

Родпенни. Какое мнѣ дѣло до рожденія его Величества, подумаешь? Перестаньте пожалуйста болтать. Докторъ Роджонъ сейчасъ выйдетъ, а я еще не кончилъ съ письмами. Уходите отсюда.

Эмми. Доктора Роджона больше нѣтъ, молодой человѣкъ. Замѣтивъ пыль на консолѣ, устремляется въ ту сторону.

Редпенни вскакиваетъ и бросается за нею слѣдомъ. Что такое?

Эмми. Докторъ получилъ рыцарскій санъ. Доктора Род-

жона больше нѣтъ. Серъ Колензо Роджонъ — вотъ кто онъ теперь. Самъ король будетъ его крестнымъ.

Редпенни. Ахъ, какъ я радъ!

Эмми. А мнѣ такъ досадно! Я привыкла уже считать всѣ его великія открытія—бреднями. Глаза бы мои не глядѣли на всѣ его стекляночки съ жидкостями да съ кровяными каплями. А теперь онъ мнѣ за это отплатить.

Редпенни. И по дѣломъ! Какая дерзость съ вашей стороны соваться въ научные разговоры. Снова отправляется къ письменному столу и принимается работать.

Эмми. Не очень-то высокаго мнѣнія я объ этой вашей наукѣ, вотъ поживите съ ней столько же, какъ я,—сами скажете то же самое. Мнѣ впору только дверь отворять. Вонъ старый серъ Патрикъ Күлленъ ужъ заявлялся съ поздравленіемъ. Зайти-то онъ не могъ — торопился въ больницу, а непременно хотѣлъ поздравить первымъ,—сказалъ, что зайдетъ попозже. Скоро явятся и другіе; цѣлый день только и знай, что впускай да выпускай гостей. Боюсь, какъ бы докторъ, сдѣлавшись серомъ Роджономъ Колензо, не вздумалъ, по примѣру прочихъ, нанять себѣ лакея. Слушайте: поговорите-ка съ нимъ, голубчикъ, скажите, что ему не найти прислуги лучше меня. Ужъ я знаю, кого впускать, кого нѣтъ. Вотъ опять и вспомнилась эта барынька. Надо бы ее принять. Онъ такихъ любить. Обметаешь пыль съ бумагъ Редпенни.

Редпенни. Говорятъ вамъ, что онъ никого не приметъ. Исчезните, Эмми, вѣдь не могу же я работать, когда вы поднимаете такую пылищу.

Эмми. А кто вамъ велитъ работать—да и что это за работа—писать письма... Кажется, звонятъ. Смотрить въ окно. Докторскій экипажъ! Навѣрно поздравитель. Собирается отворять,

но въ это время въ дверяхъ появляется серъ Колензо Роджонъ. Яички-то скушали, батюшка?

Роджонъ. Съѣлъ.

Эмми. А жилетку-то новую надѣли?

Роджонъ. Да.

Эмми. Вотъ онъ, мой голубчикъ! Смотрите же не запачкайтесь! Сейчасъ придуть поздравители. Уходить.

Серъ Колензо челоѣкъ лѣтъ пятидесяти, но, повидимому, не прочъ еще пожить. Благодаря условіямъ жизни и сношеніямъ съ людьми всевозможныхъ сословій, онъ приобрѣлъ развязныя манеры и порою не стѣсняется въ выраженіяхъ, будучи по натурѣ скорѣ робкимъ и деликатнымъ. Лицо довольно морщинистое, движенія болѣ плавныя, нежели, напримѣръ, у Редпенни, а бѣлокурые волосы уже утратили долю блеска. Впрочемъ ни его внѣшность, ни манера держаться не соотвѣтствуютъ возрасту врача, удостоеннаго рыцарскаго сана. Хотя на лицѣ и замѣтны слѣды переутомленія и склонности къ скептицизму, но послѣднія являются скорѣ результатомъ ненасытности желаній и любопытства, нежели возраста. Только что осѣдомленный о монаршей милости, онъ нѣсколько опьяненъ успѣхомъ и довольно надмененъ и рѣзокъ по отношенію къ Редпенни.

Роджонъ. Газеты читали? Надо бы измѣнить подпись, если она еще не поставлена.

Редпенни. Только что узналъ новость отъ Эмми. Не умѣю сказать, до чего я...

Роджонъ. Довольно, довольно, юноша. Дѣло самое обыкновенное.

Редпенни. Давно бы слѣдовало отличить васъ передъ другими.

Роджонъ. Это бы и было такъ, если бъ мои посѣтители не принуждены были терпѣть Эмми въ качествѣ лакея.

Эмми, докладывая въ дверяхъ. Докторъ Шуцмахеръ. Скрывается. Входитъ субъектъ среднихъ лѣтъ, съ привѣтливымъ, отчасти

заискивающимъ выраженіемъ лица, какъ бы не вполне увѣренный въ ожидающемъ его пріемѣ. Въ его мягкихъ движеніяхъ и соответственной имъ манерѣ говорить проглядываетъ привычка къ сдержанности. Добродушный, но черезчуръ рѣзко выраженные черты лица изобличаютъ семитическое происхожденіе; это красивый интеллигентный еврей, который, несмотря на свои тридцать лѣтъ, все еще узкогрудъ и тщедушенъ, подобно большинству молодыхъ евреевъ; впрочемъ въ общемъ видъ крайне представительный.

Шуцмахеръ. Не узнаете? Шуцмахеръ. Университетъ — улица Бельзайцъ. Леони Шуцмахеръ, не помните?

Роджонъ. Да неужели Леони! Привѣтливо пожимаетъ ему руку, Нѣтъ, милый человѣкъ, не узналъ; я считалъ васъ давно умершимъ. Садитесь. Шуцмахеръ садится на кушетку, Роджонъ на стулъ. Гдѣ же скитались всѣ эти долгіе годы?

Шуцмахеръ. За исключеніемъ послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ — практиковалъ. А теперь отретировался.

Роджонъ. И прекрасно сдѣлали, Леони! Будь у меня возможность отретироваться, я бы сдѣлалъ то же самое. Вы практиковали въ самомъ Лондонѣ?

Шуцмахеръ. Нѣтъ.

Роджонъ. Стало быть на модныхъ курортахъ?

Шуцмахеръ. Нѣтъ, развѣ я могъ рассчитывать на большую практику среди интеллигенціи? У меня не было ни гроша за душой. Ни одинъ пациентъ не заплатилъ мнѣ больше 30-ти шиллинговъ за визитъ — больше не могутъ заплатить какіе-нибудь откупщики или арендаторы. Я рѣшилъ отправиться въ одинъ фабричный центръ Англіи и открылъ тамъ маленькую амбулаторію, платя шесть шиллинговъ въ недѣлю за помѣщеніе.

Роджонъ. И дѣло пошло на ладъ?

Шуцмахеръ. Да, признаться мнѣ крайне посчастливи-